

Северова, Л. Месяц в городе / Л. Северова //

Ленинская правда. - 1991. - 15 ноября.

Воспоминания очевидца событий, которому в то время было 14 лет, о захвате фашистами города.

К 50-летию освобождения Богородицка

Пятнадцатого ноября в истории нашего города — скорбная дата: пятьдесят лет назад Богородицк был занят немецко-фашистскими захватчиками. Все это время продержался «новый порядок», но пережившие его не забудут тех страшных дней. Полвека минуло с той поры, однако время не в силах стереть воспоминания наших земляков. Мы надеемся, что очевидцы тех событий расскажут о пережитом. Сегодня мы предлагаем вашему вниманию первое из воспоминаний.

МЕСЯЦ В ГОРОДЕ

О чем бы я могла рассказать своему внуку, если бы он поинтересовался: а чем ты, бабушка, занималась, как жила пятьдесят лет назад? Пришлось бы вспомнить, что мне тогда было всего-навсего четырнадцать лет. В дни, предшествующие захвату города, мы, школьники, вместе со взрослыми рыли противотанковый ров, работали в колхозе на уборке урожая. Тогда много говорили, что враг будет разбит, немцы не пройдут так далеко. И в это мы верили, хотя фронт все приближался.

О событиях узнавали больше из разговоров, ведь радиоприемники были отобраны у населения. И все же, несмотря на заверения, страх прочно поселился в сердцах людей, страх перед нашествием гитлеровцев, о зверствах которых уже было известно. Больших бомбардировок враг не производил. Вспоминаю, что одна из сброшенных бомб вообще не взорвалась, а другой была ранена моя школьная подруга Тамара. Конечно, не одна она.

Где-то в середине октября, боясь уже приближающихся немцев, мы с мамой ушли из самого города и нашли пристанище за парком, в доме Ломакиных. Опасаясь бомбежки города, прятались в балке около старого хутора. Это днем, а вечером возвращались в дом.

Не могу сказать, был ли какой бой за город, чтобы остановить немцев, их нашествие, нашествие в буквальном смысле слова. Такого количества людей, техники, машин всевозможных — от легковушек на двух человек до огромнейших грузовиков — мне никогда больше видеть не приходилось. Целая их лава двигалась по улице Коммунаров в сторону Товарково: регулировщики, выставленные на перекрестках, показывали только это направление.

Жители города как вымерли, все попрятались по подвалам и домам. До нас доходили слухи, что вслед за войсками всегда движутся каратели. И, надо сказать, уже примерно через неделю после захвата города на площади в районе нынешнего ресторана «Садко» была поставлена виселица, повешены два партизана. Слава Богу, что немцы в городе пробыли всего месяц, и поэтому каратели не сумели развернуться в полную силу.

Мы совершенно не знали в те дни, где наша армия, как далеко от Богородицка ушли наши войска. И это было страшно.

Как жили? В каждом доме были немцы, их машины заполонили все дворы. (Тогда мы жили уже в центре города, и потому у меня сложилось такое впечатление. Может, на окраинах фашистов было и меньше). Наш

дом занимали офицеры и их два денщика — Герман и Сибаль. Они убились в комнатах, а весь мусор гребли к нам в закуток. Однажды чуть не сгорели, денщик заснул, устроил пожар. Так мы бегали на замерзший пруд за водой, тушили огонь.

С денщиками связаны мои «подвиги». Мать одной из моей подружек курила, ну а курево было тогда достать даже трудней, чем сейчас. Так вот, пользуясь отсутствием офицеров, я, почти на глазах денщиков, «экспроприровала» сигареты. Тогда даже не задумывалась, чем это могло кончиться, если бы меня застали на месте «преступления». Молодая была...

Чего не было у нас, так это полицаев — не успели предатели выползти из своих нор. А вот старосту назначили. Им стал бухгалтер Бегичевской шахты Бабкин. Никому ничего плохого этот честный человек не сделал, напротив, когда жителей города хотели согнать на площадь и расстрелять, он предупредил нас. От одного к другому переходило его предупреждение, просьба покинуть город и то, что массовых расстрелов не было, это благодаря старосте. Говорили, что немцы ему этого не простили.

Четырнадцатого декабря вы с мамой, все наши соседи, захватив самое необходимое, оставив дома и квартиры, стали уходить из города. Мы дошли до Ломовки. Немцы в нас не стреляли, только смеялись, фотографировали. Ночью в деревню вошли наши. Мне запомнились ребята в белых полушубках — войны из кавалерийского корпуса Белова. Настроены они были по-боевому, говорили, что немцам будет конец. А потом горел город и когда мы в него возвращались, то трудно было сразу определить, где находишься — вместо домов (а в городе они в основном были деревянные) стояли только кирпичные печи и трубы.

В те первые дни освобождения на задворках можно было увидеть убитых и замерзших немцев, лошадей, брошенные машины. Нам приходилось мимо них ходить в колодезь за водой.

Кое-какие дома сохранились и в них набилось потом по 3—4 семьи. А вот дом Ломакиных, где мы прятались раньше, сгорел, немцы убили и сожгли в нем самого хозяина и его брата. Фашисты не смогли взорвать дома на территории сельхозтехникума, то ли потому, что подвальные перекрытия оказались там крепкие, то ли наши войска быстро выгнали немцев из города. В общем, половина населения города поселилась в этих домах. Самой лучшей из еды была тогда пшеница, которую брали со сгоревшего элеватора.

Л. СЕВЕРОВА.